

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БОЛГАРСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т. В. Татоли

Татоли, Т. В. Зовнішньополітичні концепції болгарських політичних партій на початку Другої світової війни

У статті розкривається сутність політики ревізйонізму та нейтралітету в розумінні болгарських політичних партій напередодні та на початковому етапі Другої світової війни, визначаються основні концепції болгарської зовнішньої політики та партії, що їх підтримують. Охарактеризовані спонукальні мотиви, що визначали зовнішньополітичну орієнтацію тієї чи іншої партії.

Ключові слова: ревізйонізм, нейтралітет, зовнішня політика Болгарії, германофіли, англофіли.

Татоли, Т. В. Внешнеполитические концепции болгарских политических партий в начале Второй мировой войны

В статье раскрывается сущность политики ревизионизма и нейтралитета в понимании болгарских политических партий накануне и в начальный период Второй мировой войны, выделяются основные концепции болгарской внешней политики и определяются партии, их поддерживающие. Охарактеризованы побудительные мотивы, определяющие внешнеполитическую ориентацию той или иной партии.

Ключевые слова: ревизионизм, нейтралитет, внешняя политика Болгарии, германофилы, англофилы.

Tatoly, T. V. Foreign policy's conceptions of Bulgarian political parties at the beginning of the Second World War

In the article the essence of politics of revisionism and neutrality in understanding of Bulgarian political parties before and at the beginning of the Second World War is considered. The main conceptions of Bulgarian foreign policy are shown and parties, which support them, are identified. The stimulating motives, which define the foreign policy's orientation of any of these parties, are described.

Keywords: revisionism, neutrality, foreign policy of Bulgaria, Germanophiles, Anglophiles.

Внешнеполитические позиции болгарских партий начала Второй мировой войны, несмотря на определенную степень исследованности, представляют значительный интерес. Лишь тщательное их изучение позволяет выяснить, почему страна, в которой прогерманская ориентация в неправительственных кругах не доминировала, все же официально присоединилась к Тройственному пакту; почему, будучи союзницей Германии, Болгария все же не послала свои войска на Восточный фронт, несмотря на неоднократные германские требования; почему офицеры, бывшие организаторами и участниками военного переворота 1934 г., к началу Второй мировой войны оказались в лагере антигерманской оппозиции, а часть из них – стали сторонниками сближения с СССР.

Внешнеполитические концепции Болгарии и, соответственно, болгарских политических партий, в основном сложились уже в 1930-е гг. и окончательно оформились в период Второй мировой войны. Что же представляли собой эти концепции?

В межвоенный период ключевым элементом внешней политики и идей, нашедшей отражение в общественно-политической мысли Болгарии, стала идея ревизионизма. Под этим термином понималась политика, направленная на изменение условий Нейско-Мюнхенского мирного договора по итогам Первой мировой войны. На первый взгляд, подобная идея была близкой идее реванша, лежавшей в основе внешней политики Германии после прихода к власти Гитлера. И, следовательно, вступление Болгарии в 1941 г. в Тройственный союз было событием предопределенным. Однако даже в социалистической Болгарии межвоенный болгарский ревизионизм признавался вполне обоснованным, понятия «ревизионизм» и «реваншизм» разграничивались, и утверждалось, что ревизионистская политика автоматически не вела к реваншистским устремлениям и агрессивным действиям¹.

Ревизионизм в понимании Болгарского государства включал в себя три основных момента:

1. Облегчение и ликвидацию финансовых и иных обязательств, которые были тяжелым бременем для слабой болгарской экономики.
2. Полное восстановление национального суверенитета путем ликвидации иностранного контроля и освобождения от военных ограничений.
3. Поддержание территориальных претензий.

Обоснованность и справедливость первых двух пунктов не вызывает сомнений, хотя, возможно, они и нуждаются в комментариях, учитывающих международную обстановку в Европе после Первой мировой войны. Говоря же о территориальных претензиях, Болгария подразумевала все территории, потерянные ею по итогам Бухарестского и Константинопольского договоров 1913 г. и Нейиского договора 1919 г., т.е. не только Южную Добруджу, которой она владела до Балканских войн, но и те территории, на которые она претендовала, – Вардарскую Македонию, Западную Фракию и «западные окраины».

Однако эти территориальные претензии разрешить с помощью войны предполагали лишь немногочисленные правоэкстремистские круги болгарского общества, представленные организациями авторитарного и тоталитарного направления – Народным социальным движением А. Цанкова, Союзом болгарских национальных легионов, организациями «Ратник», «Бранник» и некоторыми другими. Основная же масса болгарских политических организаций и партий (от умеренного националистического крыла до мелкобуржуазной оппозиции) поддерживала сформулированные болгарскими правящими кругами второй половины 30-х годов основные начала внешней политики: мирная ревизия и неучастие в войне, неучастие в блоках и нейтралитет. То есть ревизионизм и нейтралитет считались не взаимоисключающими, а взаимодополняющими понятиями.

Таким образом, господствующей не только в официальных кругах, но и в общественном мнении была идея нейтралитета как основы внешней политики страны и основы ревизионизма. Однако окраска этого нейтралитета различалась не только в понимании официальной политики и оппозиционных кругов. Различные политические партии также по-разному представляли сущность нейтралитета. В 1930-е годы XX в. сформировались четыре концепции развития болгарской внешней политики:

- 1) решение болгарских проблем (ревизия статус-кво) с позиции нейтралитета и при поддержке фашистских держав;
- 2) решение проблем с позиций нейтралитета, опирающегося на Англию и Францию;
- 3) решение проблем с опорой на сотрудничество с СССР;
- 4) решение болгарских проблем через войну в союзе с Германией.

Представляется небезынтересным рассмотреть подробнее каждую из концепций нейтралитета, указав ее представителей и определив ее побудительные мотивы. На наш взгляд, внешнеполитические позиции тех или иных общественно-политических сил, в том числе и политических партий, определялись следующими факторами:

1. Экономические интересы, которые влияли на тягу определенных социальных групп (и, соответственно, представлявших их политических партий) к тому или иному государству. Однако этот фактор не всегда является основным, а иногда имеет второстепенное значение. Так, например, болгарская буржуазия в подавляющем большинстве была связана с английским, французским и немецким капиталом; связи с русским рынком почти не поддерживались, и в то же время часть болгарской буржуазии была русофильски настроенной.

2. Совпадение планов ведущих европейских держав с планами и интересами самой Болгарии.

3. Культурное влияние, в том числе и культурная среда тех стран, в которых формировалась болгарская интеллектуальная и политическая элита.

4. Родство политических идей и концепций, господствующих в европейских странах, и концепций, определяющих деятельность политических партий и организаций Болгарии.

С учетом указанных мотивов политические партии Болгарии становились приверженцами той или иной из вышеназванных внешнеполитических концепций.

Первую концепцию, которая стала основой официальной внешней политики в начале Второй мировой войны, – решение болгарских проблем (ревизия статус-кво) с позиции нейтралитета и при поддержке фашистских держав – представляли политические партии и организации правонационалистического характера: Всеболгарский союз «Отец Паисий», «Болгарская орда», студенческие организации «Хан Крум», «Царь Симеон». За про-

германский нейтралитет выступали и национал-либералы (за исключением небольшой группы), а также отколовшаяся от Радикальной партии и находившаяся на грани исчезновения фракция проф. Генова². Прогерманские настроения выражали и некоторые деятели БЗНС – Н. Захариев, Ст. Омарчевски, А. Радолов, Д. Костов³. Если проанализировать социальный состав сторонников концепции, то в глаза бросается его широкий диапазон: от отставных унтер-офицеров до представителей крупной торгово-промышленной буржуазии и университетской интеллигенции. И, естественно, мотивы ориентации на Германию у них были различными.

Болгарская крупная промышленная буржуазия была заинтересована в дальнейшем расширении экономических связей с Германией, а точнее, в сохранении их на прежнем высоком уровне. К 1941 г. доля Германии в болгарском импорте составила 79,6%, в экспорте – 73% (для сравнения, в 1937 г. – соответственно 58,2 и 47,1%). Германия почти целиком покрывала импорт в Болгарию паровозов, вагонов, машин, аппаратуры, черных металлов, химической продукции, почти полностью поглощала сельскохозяйственный экспорт Болгарии. Немцы вывозили в Германию в 1940–1941 гг. почти все мясо, 70% яиц, основное количество овощей, 70% табака⁴. И те промышленные группы, которые традиционно ориентировались на германский рынок, продолжали эту линию и во внешнеполитической ориентации.

В то же время Демократическая партия, представлявшая крупную промышленную буржуазию, и «народняки», защищавшие интересы крупного капитала в области кредита, страхового дела, находились на антигерманских позициях⁵. Причины этого также коренятся в экономических интересах. Представители банковского капитала Болгарии не были заинтересованы в дальнейшей экспансии германского финансового капитала, учитывая весьма прочные позиции, которые к 1941 г. заняли в Болгарии «Дойче банк» и «Дрезденер банк». А демократы представляли интересы молодой промышленной буржуазии в отраслях, которые не могли соперничать с уже достаточно развитым хозяйством Германии, что и способствовало их антигерманским настроениям.

Подавляющее большинство болгарских германофилов ждали от союза с Германией решения болгарских территориальных проблем. Обделенная, по их мнению, Нейским мирным договором (за пределами государства остались столь желанные территории Македонии, Южной Добруджи и часть Фракии), Болгария могла надеяться на его ликвидацию только с помощью Германии, еще более ущемленной Версальским договором. А проводимая Францией и Великобританией в предвоенный период политика «умиротворения агрессора» и особенно «странная война» 1939–1940 гг. и последовавшая за ней капитуляция Франции явно продемонстрировали, что Германия набирает очки в противостоянии с западными демократиями. Следовательно, именно она сможет поддержать Болгарию в ревизии результатов Первой мировой войны. Показательны в этом плане слова болгарского монарха Бориса III, сказанные им 11 июля 1939 г. секретарю германского посольства Клодиусу: «Путь Болгарии всегда должен быть на стороне Германии, если болгарские национальные надежды осуществляются, то это произойдет с помощью Германии, ... освобождение Болгарии от военных оков Нейского договора будет невозможно без успехов фюрера»⁶.

Связь прогерманских настроений с возможностью решения болгарских территориальных проблем можно проиллюстрировать речью профессора Г. Генова, бывшего деятеля Радикальной партии, отошедшего от нее и примкнувшего к организации «Отец Паисий». Выступая на торжественном собрании болгаро-германского академического клуба в Софии, он доказывал роль Третьего рейха и Гитлера в восстановлении «справедливости» и открыто провозгласил нацистский тезис, что Германия и Италия борются за перераспределение богатств, захваченных Англией и Францией, т.е. за новый, справедливый порядок в Европе⁷.

Немалую роль в прогерманской ориентации сыграло германское культурное влияние, поскольку среди болгарской интеллигенции, прежде всего университетской, было немало германофилов. Назовем только видных политических деятелей с открыто прогерманскими взглядами, которые были университетскими профессорами: Г. Генов, А. Цанков, Б. Филов, Б. Йоцов.

В этом случае на внешнеполитические симпатии оказывала влияние культурная среда той страны, в которой формировалась болгарская интеллектуальная элита. И если непосредственно после Освобождения значительная часть болгар получала высшее образова-

ние во Франции или России, то с 20-х гг. XX ст. выбор места обучения меняется в пользу Германии. Причем численность болгарских студентов, обучавшихся в Рейхе, неуклонно росла. Так, в 1940 г. там обучалось 854 человека, а в 1943 г. уже 2027 человек⁸. По словам болгарского историка И. Димитрова, «изучить процесс интеллектуального формирования руководящей элиты в буржуазной Болгарии, научные теории и политические доктрины, господствующие в тех центрах, где происходило это формирование, – значит получить ключ к разгадке источников внешнеполитической ориентации партий и их деятелей»⁹.

Для таких организаций, как Социальное движение А. Цанкова, «Союз бойцов Болгарии», «Союз пострадавших от войн», «Союз национальных сил Болгарии», прогерманские симпатии объяснялись, во-первых, идеологическим родством с фашизмом, а во-вторых, расчетом на решении территориальных проблем. Однако прогерманская политика в их понимании была более агрессивной – не нейтралитет, а союз в войне (вышеупомянутая четвертая концепция внешней политики, которая в конечном итоге и стала основой официальной внешней политики страны с 1941 г.).

Существовала прямая зависимость между успехами Германии в войне и ростом заинтересованности в ней как в союзнике Болгарии. Естественно, первые неудачи немецкого оружия на Восточном фронте поколебали прогерманские симпатии. Это можно проследить на примере организации «Отец Паисий». Этот союз был настроен прогермански, пока Германия побеждала в войне. Но кризис фашистского блока в 1943 г. приводит организацию к переоценке некоторых установок. Ослабевает прогерманский тон, усиливаются тенденции журнала «Отец Паисий» уделять больше внимания книжным, культурно-просветительским и историческим материалам. Менее крикливой становится и пропаганда цанковистов.

Вторая концепция развития Болгарской внешней политики – решение внешнеполитических проблем с позиций нейтралитета, опирающегося на Англию и Францию, – поддерживалась большинством буржуазных и частью мелкобуржуазных партий. К ним относилась Демократическая партия, которая, по характеристике болгарского публициста левой ориентации П. Киранова, «являлась представителем молодой промышленной буржуазии, ... стояла за английскую ориентацию во внешней политике страны против расширения связей с СССР»¹⁰, а также Народная партия, которая «оказывает огромное влияние на всю общественную и политическую жизнь страны через союзы торговцев и промышленников... Внешнеполитическая ориентация может быть охарактеризована как подчеркнута англофильская»¹¹.

На проанглийских позициях находилась часть «Демократического сговора» (накануне и в период войны во главе его находился Г. Василев), правое крыло социал-демократов во главе с К. Пастуховым и ряд приверженцев Либеральной партии, не поддерживавших прогерманскую ориентацию¹². Англофилами были представители Радикальной партии. В полицейском донесении начала войны отмечалось, что на собрании представителей Радикальной партии один из ее лидеров С. Костурков «похвалил» западные демократии в лице Англии и Франции и набросился на Германию за то, что она завладела славянскими государствами¹³.

Ориентацию на западные демократии поддерживала значительная часть членов БЗНС – как представители крыла «Врабча-1», так и некоторые руководители БЗНС «Пладне», например, К. Тодоров, Г. М. Димитров. На этих же позициях стояли и болгарские церковные деятели. Американский консул в Стамбуле Б. Бери после разговора с болгарским епископом Андреем, выражавшим религиозные интересы болгар в Турции, констатировал, что среди руководителей болгарской церкви существует идейная оппозиция правящему режиму, которая симпатизирует одновременно США и СССР в связи с русофильскими чувствами, но боится влияния Советов как в политике, так и в религии и предпочитает демократию тоталитарному режиму¹⁴.

Представители проанглийского нейтралитета опасались, что следование в фарватере Германии приведет страну к новой национальной катастрофе, как и в Первую мировую войну. И в этом случае ни о какой ревизии закрепленных в отношении Болгарии международных реалий речи бы не шло. Да и по своим политическим взглядам вышеуказанные партии тяготели к традиционным западным демократиям, а не к тоталитарной диктатуре и, соответственно, не к Германии, эту диктатуру олицетворявшую.

Позиции представителей вышеупомянутой концепции по мере развертывания Второй мировой войны менялись. Когда в 1940 г. Франция капитулировала и стало ясно, что Великобритания одной с Германией не справиться (США пока не стремились активно участвовать в войне), проанглийски настроенные деятели сначала осторожно, а затем все чаще начали высказывать мысли о том, что союз с Англией не исключает сотрудничества с СССР. Например, представитель Демократического сговора Г. Василев в одной из оппозиционных газет писал в ходе подготовки выборов в Народное собрание в 1940 г.: «Хотя между политическим строем Советской России и конституционно-демократической Болгарией имеются принципиальные различия, искреннее, постоянное ... политическое сотрудничество между Болгарией и советской Россией не только желательное, но полностью возможно...»¹⁵. Представители Радикальной партии Д. Тыркананов, Д. Бурилков, выражая симпатии Англии, одновременно выступали за хорошие отношения со всеми странами. Радикал С. Костурков, обвиняя германских фашистов в том, что они являются зачинателями войны, считал, что в условиях войны Болгария должна идти с Советским Союзом¹⁶.

Проанглийски ориентированные политические деятели, эмигрировавшие из страны, принимали участие в английской радиопропаганде на Болгарию (как, например, часть правых лидеров «Пладне» И. Костов, Г. М. Димитров). Оставшиеся в стране составили оппозицию прогерманской линии правительства в парламенте, а в 1943–1944 гг. стали связующим звеном между болгарскими кругами, пытавшимися вести сепаратные переговоры о выходе из войны, и представителями Великобритании и США. Активных средств борьбы англофилы не использовали. Правда, в конце 1940 – начале 1941 г. часть представителей БЗНС во главе с Г. М. Димитровым подготавливали заговор с целью свержения правительства Б. Филова и создания нового правительства, которое осуществило бы сближение и федерирование южных славян и ориентировалось на Англию¹⁷.

После капитуляции Франции ориентация на нее потеряла смысл и постепенно сменяется на проамериканскую. Особенно это стало актуальным в связи с появлением идеи сепаратных переговоров, так как во всех этих переговорах инициативу на себя брали не столько англичане, сколько американцы. Уже в 1942 г. в анализе болгарской ситуации, подготовленном для Госдепартамента США, говорилось, что в стране существуют круги, считающие, что «можно успешно защищать болгарскую идею в союзе с Америкой»¹⁸. А в 1943 г. американское правительство уже имело сведения, что болгарская буржуазная оппозиция расширилась и что она готова предложить свои услуги США в подготовке выхода Болгарии из войны.

Третья концепция болгарской внешней политики, вокруг которой группировались определенные политические силы, – решение проблем с опорой на сотрудничество с СССР. Она была довольно популярной не только у болгарских коммунистов, но и среди ряда непролетарских партий. О том, что прорусские настроения (именно прорусские, а не просоветские, ибо значительная часть ориентировавшихся на СССР отождествляли его не с Советской властью, а с Россией) были достаточно широко распространены в стране, свидетельствует та обеспокоенность, которую проявляли в связи с этим правящие круги Болгарии. Так, в сентябре 1939 г. в среде видных буржуазных деятелей, бывших министров и высшего офицерства было распространено письмо, в котором говорилось: «Русофильский психоз ширится в нашей стране. Под его соблазнительными ударами падают жертвы из разных социальных категорий, число таких жертв утрашающе велико... Агенты большевистского русофильства умножаются... Необъяснимо поведение тех наших политиков, интеллигентов и даже офицерских чинов, ... которые становятся наивными проводниками этой сатанинской агитации»¹⁹. Предполагалось, что письмо было написано в дворцовых кругах.

Размах симпатий к СССР отмечали также иностранные дипломаты и журналисты. В частности, английский посланник в Софии Ренделл признавал, что в Болгарии существует прорусское большинство²⁰. 19 февраля 1940 г. в американской газете «Нью Йорк тайм» была опубликована статья А. Мак-Кормика «Болгары убеждены, что Советы войдут на Балканы», в которой затрагивался вопрос о советском влиянии. Автор считал, что прорусские симпатии большинства болгарского народа имели исторические корни, а неразвитость капитализма создавала условия для быстрого проникновения коммунистических

идей. Поэтому в Болгарии «не боялись возможной советской агрессии» на Балканах и даже верили, что она бы привела к «разрешению национальной проблемы»²¹.

Просоветскую ориентацию выражала часть представителей рядовых масс БЗНС «Врабча I», и даже англоориентированные руководители союза вынуждены были при подготовке к парламентским выборам 1940 г. провозгласить лозунг борьбы за заключение торгового договора и пакта о вечной дружбе и взаимной помощи с СССР – «здоровой опорой мира и нейтралитета»²². За ориентацию внешней политики на СССР выступала также основная масса пладненцев и часть руководства союза – Н. Петков, А. Держански, М. Геновски, Сл. Пушкар²³. Это тоже достаточно четко прослеживается по лозунгам, выдвигаемым руководством и рядовыми членами БЗНС «Пладне» при подготовке к выборам. Так, в листовке, изданной в ноябре 1939 г., по внешней политике выдвигалось требование «поддержки самых тесных дружественных политических отношений и действительных хозяйственных связей с СССР»²⁴. За ориентацию на СССР выступала и левая часть социал-демократов во главе с Сотиром Яневым.

Просоветские симпатии «земледельцев» можно объяснить рядом факторов. Во-первых, организация «Пладне» в политической палитре Болгарии стояла ближе всех к БКП, традиционно ориентирующейся на СССР, и у коммунистов и «земледельцев» уже был опыт совместной работы. Во-вторых, по социальному составу «Пладне» представляла те крестьянские слои, которые наиболее страдали от германской экономической экспансии в сельском хозяйстве, поскольку диктовались цены, выгодные Германии, а сельскохозяйственный рынок Болгарии был ориентирован только на Германию, без учета возможных выгод, которые бы дала торговля продукцией сельского хозяйства с другими странами, в частности с СССР.

В-третьих, часть членов «Пладне» и «Врабча I» составляла мелкобуржуазная интеллигенция, старшее поколение которой получало образование в царской России, а младшее родилось в семьях «русских воспитанников». Для них симпатии к России были традиционными, их настроения были скорее «русофильскими», чем «советофильскими».

Сторонниками просоветского нейтралитета были такие организации, как Военный союз и Политическая группа «Звено». Так, лидер «Звена» К. Георгиев был активным пропагандистом идеи союза с СССР. 22 сентября 1939 г. он отправляет царскому правительству письмо, в котором говорится: «Находим самой здоровой политической концепцией тесные связи между Болгарией и великой советской страной. Мы убеждены, что наша общественность поздравит с большой радостью серьезный почин болгарского правительства в этом направлении – расширение политических и торговых отношений с Москвой»²⁵.

Военный союз также стоял на позициях ориентации на СССР. В одном из полицейских документов, датированном августом 1941 г., давалась такая характеристика одному из руководителей Союза генералу В. Заимову и группировавшемуся вокруг него офицерству: «...независимые члены Военного союза во главе с генералом Вл. Заимовым – исключительно сторонники тесного сотрудничества на политической основе с Советской Россией, невзирая на то, какие последствия это может иметь для нашей страны»²⁶. Не случайно Заимов фигурировал в полицейских донесениях как «Красный генерал».

Чтобы объяснить просоветскую ориентацию офицеров, ставших движущей силой переворота 19 мая 1934 г., необходимо обратиться к политической и идейной эволюции организаций, которая проходила под воздействием ряда факторов: конфликт между «Звеном» и дворцом, отстранение «деятелей 19 мая» от власти и утверждение режима личной власти Бориса III; установление связей с БКП; раскрытие истинной сущности фашистских режимов в Германии и Италии. Все эти факторы приводят к тому, что «Звено» (как и Военный союз) постепенно отказывается от авторитаризма в своих взглядах, склоняется к все более тесному союзу с БКП и левыми группами в БЗНС и, соответственно, к той внешнеполитической ориентации, которую они выражали. На наш взгляд, еще один фактор повлиял на проявление русофильства у офицеров из «Звена» и Военного союза: традиционное русофильство значительной части болгарского офицерства еще с XIX в. Свою роль сыграло и разочарование «19-майцев» результатами мюнхенской политики Англии и Франции, показавшими, что малому государству особенно рассчитывать на защиту западных демократий не приходится. Но, без сомнения, мотивы ориентации на СССР у данных организаций еще нуждаются в серьезном изучении.

Ориентация на СССР проявлялась, во-первых, в проведении акций в поддержку предложения СССР о подписании договора о дружбе и взаимной помощи (так называемая «Соболевская акция»). Во-вторых, после начала Великой Отечественной войны в ведении пропаганды в защиту СССР, выпуске листовок, освещавших действительное положение на Восточном фронте. В-третьих, некоторые болгары собирали разведанные для СССР²⁷.

Конечно, более тесной ориентации на СССР препятствовал такой фактор, как сталинизм. Ряд представителей интеллигенции, которая была традиционно русофильской, в новых исторических условиях обращают свои взоры к Англии и Франции, поскольку информация, доходящая из Советского Союза, пугала их, делала для них невозможными симпатии к тоталитарному государству.

Фактором, который напротив, облегчил проявление симпатий к СССР, стало подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении. Этот пакт в Болгарии был встречен по-разному. Такие организации, как «Отец Паисий» и «Българска орда», начали, с оглядкой на общую политику своей страны, ориентирующейся на Германию, выражать сдержанно положительное отношение к связям с СССР²⁸. В среду «Звена» пакт внес известное смущение. Деятели союза смотрели на него скептически и ставили под сомнение цели Германии, однако считали, что СССР, имея в виду свои государственные интересы, действует реалистично. Руководство БЗНС положительно отнеслось к заключению пакта и даже начало расширять свои связи с советской стороной: деятели БЗНС Д. Гичев, Г. М. Димитров, Н. Чолаков установили связи с работниками советского представительства в Софии, начали присутствовать на приемах и чествованиях, проводимых там. Особенно разительный эффект этот пакт произвел на лидера Народного социального движения А. Цанкова. В своей статье «К моим политическим друзьям», написанной 12 сентября 1939 г., он назвал заключение пакта «самым замечательным событием», пел дифирамбы «исторической миссии» России, которую он видел в том, чтобы задержать натиск пробуждающейся Азии на Европу. В конце статьи Цанков клялся в любви России и в добрых чувствах к германскому народу²⁹.

По мере развития военных действий и ухудшения военной ситуации для Германии симпатии к СССР растут. Причем, часто политики умеренного толка демонстрировали подчеркнуто доброе отношение к СССР, вероятно, в преддверии возможного вступления Красной Армии в Болгарию. Так, Д. Гичев в 1943 г. начал часто посещать советских дипломатов в Софии, уверял их в своем самом хорошем отношении к советской политике. А после поражения Германии под Сталинградом даже министр общественных работ Болгарии Василев в своей речи сказал, что настроения болгарского народа сводятся к тому, что «болгары и славяне должны непременно идти с великой славянской державой – Советской Россией»³⁰.

Таким образом, в начальный период Второй мировой войны в общественно-политической мысли Болгарии доминировала идея нейтралитета. Однако полный нейтралитет для Болгарии, учитывая ее политические реалии, был невозможен, поэтому он имел различную окраску в понимании разных политических партий и организаций. В конечном итоге победила концепция внешней политики, ориентированная на прогерманский нейтралитет. Но и такой нейтралитет страна могла соблюдать лишь до марта 1941 г., после чего Болгария стала членом Тройственного пакта.

¹ См.: *Димитров, И.* България на Балканите и в Европа. София: Наука и изкуство, 1980, с. 11.

² Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 78, 80, 84.

³ *Ревякина, Л.* СССР във външнополитическата ориентация на БЗНС (1934–1944). // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Т. 8. България след Освобождението. София: БАН, 1988, с. 233.

⁴ *Позолотин, М. Е.* Германская агрессия в Болгарии // Уч. записки Академии обществ. наук. – 1948. – Вып. 2. – С. 338.

⁵ АВП РФ, ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 77.

⁶ *Марков, Г.* Българо-германските отношения. 1931–1939. София: Наука и изкуство, 1984, с. 206.

⁷ *Поппетров, Н.* Организацияте «Отец Паисий» и «Българска орда» през Втората световна война. // Исторически преглед, 1987, № 9, с. 35.

⁸ *Бояджиева, Е.* Културно-политическо влияние на Третия райх в България (1940–1944). // Българо-германски отношения и връзки. Т. 4. София: БАН, 1989, с. 330.

⁹ *Димитров, И.* България в европейската политика между двете световни войни. // България в света от древността до наши дни. Т. 2. София: Наука и изкуство, 1979, с. 165–166.

¹⁰ АВП РФ, ф. 74, оп. 23, д. 10, папка 12, л. 77.

¹¹ Там же.

¹² Там же, л. 81.

¹³ *Стефанов, Х.* Българската радикална партия. 1906–1946. София: Наука и изкуство, 1984, с. 310.

¹⁴ *Тошкова, В.* България в балканската политика на САЩ. // Исторически преглед, 1979, № 1, с. 31.

¹⁵ АВП РФ, ф. 74, оп. 20, д. 5, папка 10, л. 63.

¹⁶ *Стефанов, Х.* Българската радикална партия..., с. 311.

¹⁷ См.: *Ханджиев, Р.* Англия и заговорът на д-р Г. М. Димитров (есента и зимата на 1940–1941 г. // Исторически преглед, 1990, № 9.

¹⁸ *Тошкова, В.* Политиката на САЩ към България (септември 1939 – септември 1944) по документи от Национални архиви на САЩ. // България в света от древността до наши дни. Т. 2. София: Наука и изкуство, 1979, с. 260.

¹⁹ АВП РФ, ф. 74, оп. 19, д. 7, папка 9, л. 82.

²⁰ *Сирков, Д.* Към въпроса за присъединяването на България към Тристранния пакт. // Българо-германски отношения и връзки. Т. 1. София: БАН, 1972, с. 440.

²¹ *Величков, А.* Вестник «Ню Йорк тайм» за някои моменти от вътрешната и външната политика на България в периода 1938–1941 г. // Политически партии, организации и управления в България. 1879–1944. София: БАН, 1983, с. 192–193.

²² *Петрова, Д.* Българският земеделски народен съюз в антифашистката борба. София: БЗНС, 1983, с. 14.

²³ *Ревякина, Л.* СССР във външнополитическата ориентация..., с. 234.

²⁴ *Петрова, Д.* Българският земеделски народен съюз..., с. 15.

²⁵ *Недев, Н.* Дейността на Военния съюз от основаването му до 9 септември 1944 г. // Исторически преглед, 1963, № 2, с. 67.

²⁶ Там же.

²⁷ См. по-подробно: *Ковачев, К.* Варненци в помощ на съветското командване през 1943–1944. // Военноисторически сборник, 1983, № 5.

²⁸ *Поппетров, Н.* Организацията «Отец Паисий» и «Българска орда»..., с. 47.

²⁹ АВП РФ, ф. 74, оп. 19, д. 10, папка 9, л. 34–34 об.

³⁰ Там же, оп. 25, д. 6, папка 14, л. 1.